НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА

Серія политическая.

Прив.-доц. Ю. КЛЮЧНИКОВЪ

# РЕВОЛЮЦІЯ и ВОЙНА

№ 53

Ц 25 К.

Акціонерное общество
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИЛІОТЕКА»
МОСКВА.

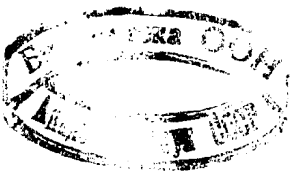
НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА

Серія политическая.

Прив.-доц. Ю. КЛЮЧНИКОВЪ

# РЕВОЛЮЦІЯ и ВОЙНА

Акціонерное Общество
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА»
МОСКВА.



1143
37

Москва—1917.

# I.

Революція поставила передъ русскими людьми цѣлый рядъ вопросовъ первостепенной государственной важности. Къ числу ихъ принадлежатъ и вопросы, связанные съ войной.

Какъ намъ слѣдуетъ относиться къ войнѣ? Будемъ ли мы и послѣ революціи стремиться къ полной побѣдѣ надъ врагомъ, не жалѣя жизней, силъ и денежныхъ затратъ ради этой побѣды, или же мы въ правѣ поднять разговоры о немедленномъ заключеніи мира?— Какъ намъ относиться къ нашимъ союзникамъ? По-прежнему ли они дороги намъ, и мы должны считать безчестнымъ нарушеніе обязательствъ, принятыхъ нами по отношенію къ нимъ, или же это не наши союзники, а союзники стараго строя, и намъ, гражданамъ новой Россіи, нѣтъ до нихъ никакого дѣла?—Чего хотимъ мы отъ войны? Того ли, чего хотѣло и низвергнутое правительство, или же наши желанія иныя?— Съ какими народами больше всего дружить послѣ войны и отъ какихъ держаться подальше?

На всѣ эти вопросы необходимо отвѣтить теперь же, не теряя времени понапрасну. Если всѣмъ въ Россіи ясно, что войну нужно кончать во что бы ни стало, то кончать ее нужно, по возможности, немедленно. Каждый день войны стоитъ многіе милліоны рублей (свыше 50), сидѣніе солдатъ въ окопахъ и казармахъ препятствуетъ имъ подготовиться къ Учредительному Со-

бранію и оттягиваетъ срокъ открытія этого Собранія. А вѣдь Учредительное Собраніе—наша главная забота теперь. Пока оно не состоялось, не наступитъ полнаго спокойствія въ странѣ, и, слѣдовательно, чѣмъ скорѣе оно состоится, тѣмъ лучше. Съ другой стороны, если всѣмъ намъ одинаково ясно, что войну необходимо продолжать до побѣднаго конца, то всѣ мы съ одинаковымъ негодованіемъ должны отвернуться отъ тѣхъ, кто выкрикиваетъ «Долой войну!» и настойчиво старается поселить среди насъ рознь. Споры и раздоры рѣдко приносятъ хорошіе плоды, а въ такое время, какъ теперешнее, они особенно опасны.

По счастью, въ настоящую минуту требованіе о немедленномъ прекращеніи войны не пользуется успѣхомъ въ широкихъ слояхъ русскаго населенія, а также не наблюдается и особеннаго расхожденія во взглядахъ на задачи и цѣли войны. Однако, кто можетъ поручиться, что точь-въ-точь такъ же останется и впредь? Въ дни революціи всякія «крайнія» требованія въ угоду ей всегда могутъ привлекать къ себѣ вниманіе. Въ дни смуты всегда найдутся люди, которымъ смута выгодна. Согласно вполнѣ достовѣрнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, германскіе шпіоны прилагаютъ всѣ усилія, чтобы использовать революцію къ выгодѣ Германіи; не дремлютъ и у насъ тѣ изъ приспѣшниковъ стараго строя, которые все еще надѣятся, что не все для нихъ потеряно, что самодержавіе и произволъ могутъ вернуться въ Россію опять. А если все это такъ, то тѣмъ необходимѣе заранѣе предупредить опасность: одно дѣло чувствовать, что войну надо довести до побѣднаго конца, а другое дѣло знать это. Мы должны твердо, ясно и опредѣленно знать, что побѣда намъ необходима, потому что только въ такомъ

случаѣ мы будемъ застрахованы отъ дѣйствія темныхъ силъ и разныхъ неожиданностей.

Иначе говоря, мы должны твердо знать, что революція—революціей, а война—войной.

## II.

Чѣмъ была Россія до войны?

Она была страной, въ которой правительство всячески давило на народъ, стараясь удержать его въ своемъ подчиненіи, а народъ всѣми силами души ненавидѣлъ правительство и жаждалъ рѣшительныхъ государственныхъ преобразованій. Все, что было дорого русскому правительству, какъ-то само собой становилось ненавистно русскому народу. И наоборотъ: не было такого народнаго движенія въ Россіи, которое тотчасъ же не бралось бы подъ подозрѣніе и не преслѣдовалось бы русскимъ правительствомъ. Такъ тянулось долгіе годы, и въ концѣ концовъ стало очевиднымъ, что либо народу придется отказаться отъ своихъ завѣтныхъ надеждъ, либо правительству придется сдѣлать необходимыя уступки народу. Особенно ясно стало это къ началу Великой войны, длящейся и теперь, и во время самой этой войны.

Въ чемъ же, однако, заключался споръ между русскимъ народомъ и русскимъ правительствомъ? Чего хотѣло русское правительство и чего хотѣлъ русскій народъ? Почему къ концу минувшаго февраля и началу марта въ этомъ спорѣ побѣдилъ народъ, а не правительство? Отвѣтить на всѣ послѣдніе вопросы—значитъ цѣликомъ подготовить отвѣты и на тотъ, который насъ здѣсь интересуетъ по преимуществу: объ отношеніи между Великой войной, съ одной сторо-

ны, и Великой русской революціей—съ другой. Вѣдь несомнѣнно, что революція 1917 года—родное дитя войны 1914 года. Но несомнѣнно также и то, что сама эта война не случайна, а съ необходимостью подготовлена всѣми предшествовавшими отношеніями между нашимъ народомъ и нашимъ правительствомъ.

Итакъ, еще разъ: чего хотѣлъ русскій народъ передъ войной и во время войны? Къ чему стремилось въ это время враждебное народу правительство?

На первый вопросъ отвѣтить не трудно: русскій народъ хотѣлъ свободы и порядка. Самодержавіе отжило свое время. Задачи современнаго государства настолько сложны и сознаніе современнаго человѣка настолько развито, что совершенно немыслимо основывать государственную жизнь на безотвѣтственномъ главенствѣ маленькой кучки счастливцевъ и полномъ порабощеніи милліоновъ несчастныхъ. Необходимо, чтобы глава государства являлся лишь высшимъ представителемъ своего народа, осуществляя свое назначеніе отъ имени народа,—съ помощью министровъ, отвѣтственныхъ передъ народомъ, съ помощью законодательныхъ учрежденій, составленныхъ изъ представителей народа. Необходимо также, чтобы весь народъ имѣлъ такія права, благодаря которымъ ему обезпечивалась бы возможность участвовать въ дѣлахъ государства, и давалось бы право дѣлать все то, что не вредитъ другимъ. Словомъ, современное государство не можетъ существовать безъ политической и гражданской свободы его гражданъ; именно такой-то свободы и не хотѣли дать Россіи русскіе самодержцы.

Чего же хотѣли они въ такомъ случаѣ и почему съ такой настойчивостью, а часто и безпримѣрной жестокостью давили на русскій народъ?

На этотъ второй вопросъ отвѣтить уже труднѣе. Богъ ихъ знаетъ, чего они хотѣли и почему давили. Но во всякомъ случаѣ было бы ошибкой думать, будто они только и заботились о томъ, чтобы принести своей странѣ какъ можно больше зла и будто нарочно толкали ее къ гибели. Они не могли поступать такъ хотя бы уже въ силу весьма простого соображенія, что гибель Россіи знаменовала бы собой одновременно и ихъ собственную гибель. Съ другой стороны, ихъ должно было бы останавливать опасеніе народнаго возмущенія и революціи. Вѣдь русская революція не первая въ исторіи; то, что происходитъ у насъ теперь, неоднократно происходило въ разное время въ другихъ странахъ, и наши цари не могли не считаться съ грозными предостереженіями исторіи. Вспомнимъ Англію середины XVII вѣка, совершившую казнь надъ королемъ своимъ, Карломъ I, какъ надъ измѣнникомъ и врагомъ народа. Вспомнимъ революціонную Францію конца XVIII вѣка и казнь Людовика XVI въ январѣ 1793 года. Вспомнимъ бѣгство на извозчикѣ французскаго же короля Людовика-Филиппа въ 1848 году. Но зачѣмъ заходить такъ далеко? Совсѣмъ недавно пережили революціи Турція, Персія, Португалія, Китай. Многочисленные примѣры исторіи показываютъ, что далеко не всѣ изъ тѣхъ царей и королей, которыхъ убивали, казнили и свергали съ престола, бывали непремѣнно извергами рода человѣческаго. Но въ томъ-то и дѣло, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ достаточно быть просто царемъ или королемъ, чтобы оказаться для народа хуже всякаго изверга.

Зло самодержавія не исчерпывается тѣмъ, что оно легко превращаетъ владыкъ въ преступниковъ; при современныхъ условіяхъ, въ свѣтѣ современнаго пра-

возознанія, главное зло лежитъ въ немъ самомъ,—оно само по себѣ недопустимо, потому что не можетъ существовать безъ принижения самосознанія народа, безъ угодничества, продажности и развращенности тѣхъ, что окружаютъ троны самодержцевъ, безъ полной непригодности самихъ этихъ «самодержцевъ» справиться съ государственными задачами. Самодержавіе есть противное духу современнаго права удержаніе верховной власти однимъ человѣкомъ, такъ что уже въ силу одного этого оно должно подвергаться низверженію, чтобы никогда не быть возстановленнымъ вновь. И оно низвергнуто почти повсюду въ Европѣ.

Правда, многія изъ западныхъ европейскихъ странъ и до сихъ поръ являются монархіями, т.-е. управляются королями, но въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ короли эти не самодержавны Наслѣдственный король стоитъ во главѣ Бельгіи; однако въ 25 статьѣ бельгійскихъ государственныхъ законовъ прямо говорится: «Всѣ власти исходятъ отъ народа». Король управляетъ и Грецией, но также и согласно греческой конституціи «всякая власть исходитъ отъ народа и осуществляется въ порядкѣ, установленномъ конституціей» (ст. 21-я). То же самое находимъ мы и въ законахъ Румыніи. Въ другихъ европейскихъ королевствахъ конституціи не выводятъ верховную власть непосредственно изъ воли народа, но зато онѣ предоставляютъ народу столько дѣйствительной власти—путемъ укрѣпленія за нимъ самаго широкаго участія въ законодательствѣ и установленіемъ отвѣтственности министровъ передъ парламентомъ—что ни о какомъ самодержавіи по существу не можетъ быть и рѣчи.

И только въ Германской имперіи и отдѣльныхъ входящихъ въ нее королевствахъ и

поствахъ и до сего дня сидитъ еще духъ самодержавія. Слѣдуетъ отмѣтить, что всего-навсего еще полстолѣтія назадъ Германія была совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ она является въ наши дни. Тогда это былъ союзъ изъ тридцати девяти мелкихъ нѣмецкихъ государствъ подъ общимъ главенствомъ Австріи. Но Австрія и тогда уже была внутренно слабымъ государствомъ, такъ что настоящаго главенства она осуществлять не могла и принуждена была уступать руководство дѣлами союза—Пруссіи. Пруссія же всегда была воинственна, всегда настойчиво стремилась къ усиленію своего могущества и къ расширенію своихъ границъ за счетъ своихъ сосѣдей. Въ 1866 году она рѣшила, что Австрія ей мѣшаетъ и что ей нужно сосчитаться съ ней. Между недавними союзниками вспыхиваетъ война, въ которой очень быстро Австрія оказывается на-голову разбитой, а затѣмъ ее, униженную насильно удаляютъ изъ германскаго союза. Проходитъ четыре года, и Пруссія затѣваетъ новую войну—съ Франціей; и на этотъ разъ боевое счастье всецѣло на сторонѣ пруссаковъ: Франція разбита, побѣдителями захвачены самыя промышленныя изъ ея областей, на французскій народъ возложена обязанность уплатить прусскому правительству громадныя военныя издержки. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ, благодаря умѣлымъ дѣйствіямъ прусскихъ политиковъ, создается крѣпкая Германская Имперія, и во главѣ ея становится, въ качествѣ императора, прусскій король Вильгельмъ I.

Къ чему же все это повело?

Это повело къ тому, что начиная съ 1871 года Германія принимается играть рѣшающую роль въ дѣлахъ Европы, быстро усиливается, какъ военная держава, быстро богатѣетъ, захватываетъ все новые и новые

иностранные рынки, создаетъ промышленность, оставляющую далеко позади за собой промышленность большинства другихъ странъ, пріобрѣтаетъ себѣ все новыя и новыя земли за морями, обзаводится громаднымъ количествомъ торговыхъ и, особенно, военныхъ кораблей. И все это — съ помощью германскихъ императоровъ (прусскихъ королей), которые точно такъ же, какъ и русскіе императоры, смотрѣли и смотрятъ на себя, какъ на помазанниковъ Божіихъ, и крѣпко держатся за свое самодержавіе. Неудивительно послѣ этого, что именно къ Германіи русскіе цари почувствовали особенное вліченіе (больше всѣхъ Александръ II и Николай II) и въ ея именно опытѣ стали искать для себя поученія и примѣра. Если Германія, думали они, благодаря въ ней крѣпости самодержавныхъ началъ, сумѣла достигнуть такой высокой степени процвѣтанія, то почему бы не достигнуть того же и Россіи? Новѣйшая исторія Германіи оправдала, по ихъ мнѣнію, самодержавіе: значитъ, долой всякія колебанія и уступки народу!

Разумѣется, подобное заключеніе не было правильнымъ: вовсе не въ самодержавныхъ замашкахъ прусскаго короля и германскаго императора заключался главный источникъ силы и славы современной Германіи, а въ волѣ и сознаніи самого нѣмецкаго народа. Нѣмецкій народъ не только покорно шелъ за своими правителями, но и самъ указывалъ имъ пути. Правители и народъ въ Германіи дѣйствовали и до сихъ поръ дѣйствуютъ въ достаточно полномъ согласіи другъ съ другомъ и въ трудную минуту умѣютъ поддержать другъ друга. Да и самодержавіе прусско-германское совсѣмъ не таково, какимъ являлось русское самодержавіе. У нѣмецкаго народа несравненно больше политическихъ правъ, чѣмъ было у насъ до сихъ

поръ; такого грубаго давленія и угнетенія со стороны правителей, какое испытывали мы, онъ уже давнымъ-давно не испытывалъ. Впрочемъ, оспаривать низвергнутыхъ правителей нашихъ или ихъ приверженцевъ намъ не для чего. Достаточно отмѣтить, что они такъ думали и въ этихъ своихъ думахъ, безъ сомнѣнія, находили оправданіе для притѣсненія русскаго народа, порою для открытаго издѣвательства надъ нимъ. Тѣмъ хуже для нихъ, и тѣмъ болѣе опаснымъ врагомъ, значитъ, оказывается для насъ Германія.

## III.

Въ борьбѣ между русскимъ правительствомъ и русскимъ народомъ проявлялось такимъ образомъ столкновеніе двухъ совершенно разныхъ началъ, стремленій, требованій: начала демократическаго, или народной свободы, съ началомъ деспотическимъ, или народнаго угнетенія. Эта борьба, какъ уже было сказано, долгіе годы тянулась внутри Россіи. Но и не только внутри. Россія окружена другими государствами, изъ которыхъ каждое можетъ являться либо другомъ ея, либо врагомъ. Лучше всего было бы, разумѣется, сдѣлать такъ, чтобы со всѣми жить въ одинаково тѣсной дружбѣ; но, къ сожалѣнію, о тѣсной дружбѣ между народами приходится еще только мечтать, а надѣяться на скорое осуществленіе ея не приходится. Между государствами до сихъ поръ остается чрезвычайно много поводовъ для взаимныхъ недоразумѣній и столкновеній, почему войны и повторяются такъ часто. Волей-неволей, слѣдовательно, каждое государство стремится войти въ союзъ или въ соглашеніе съ тѣми изъ своихъ сосѣдей, съ которыми имѣетъ наи-

большее количество общихъ интересовъ и къ которымъ питаетъ наибольшее дружелюбіе, и уже съ ихъ помощью даетъ отпоръ остальнымъ, если они дѣлаютъ что-либо невыгодное, опасное для нихъ.

Искать союзниковъ и друзей среди сосѣдей приходится и Россіи. Найти ихъ ей всегда было тѣмъ легче, что она обширна, сильна и обладаетъ неисчерпаемыми природными богатствами. Для Австріи, Англіи, Германіи, Италіи, Соединенныхъ Штатовъ Америки, Франціи и Японіи—для всѣхъ гораздо выгоднѣе жить въ мирѣ и согласіи съ величайшей изъ имперій, чѣмъ каждую минуту опасаться разрыва и войны съ нею. Все это, конечно, русское правительство сознавало. Но оно сознавало и то, что сосѣдъ сосѣду рознь: Австрія и Германія—одно, Англія и Франція—другое. Первыя двѣ страны управляются государями, отстаивающими самодержавныя начала и все время борющимися съ народомъ за свою власть; вторыя двѣ представляютъ собой самыя передовыя демократіи міра, въ которыхъ народъ самъ управляетъ собой и совершенно не чувствуетъ на себѣ гнета своихъ правителей. Съ кѣмъ же изъ нихъ идти Россіи? Съ кѣмъ завязать дружбу, съ кѣмъ вступить въ союзъ? Для русскаго правительства на этотъ вопросъ не могло быть двухъ отвѣтовъ: конечно, съ первыми противъ вторыхъ, съ автократіями противъ демократій, съ Австріей и Германіей противъ Англіи и Франціи. Отсюда рядъ попытокъ русскихъ дипломатовъ заключить тѣсный союзъ съ австрійскимъ и германскимъ императорами, отсюда же долговременная безуспѣшность наладить наши отношенія съ Франціей и непрестанная скрытая борьба съ Англіей. Со своей стороны и Англія съ Франціей —зная, какіе порядки царятъ въ нашей странѣ,—дол-

го не могли питать къ намъ особенной симпатіи: ихъ поражало наше безправіе, онѣ не могли не возмущаться сплошнымъ произволомъ нашего правительства, онѣ не могли не презирать насъ за то, что мы покорно терпимъ всякій произволъ.

Однако, по счастью, не все зависѣло отъ русскаго правительства, и не съ нимъ однимъ приходилось имѣть дѣло французамъ и англичанамъ. Начать съ того, что при всемъ желаніи русскаго правительства наладить самыя дружелюбныя отношенія съ Австріей, дружбы между Россіей и Австріей никогда не получалось. Всегда оказывалось такъ, что либо Австрія что-либо замышляла противъ Россіи, либо Россіи приходилось дѣйствовать наперекоръ Австріи. Въ чемъ здѣсь была причина, въ двухъ словахъ не объяснишь,—каждый разъ находилась какая-нибудь своя причина; но, въ общемъ, можно сказать, что между обѣими имперіями всегда существовало больше поводовъ къ взаимному противодѣйствію, чѣмъ ко взаимному согласію. Въ послѣднія десятилѣтія, напримѣръ, ихъ разъединяло, по преимуществу, столкновеніе ихъ интересовъ въ балканскихъ земляхъ: и Россія и Австрія съ одинаковой настойчивостью стремились играть на Балканахъ рѣшающую роль; всякій успѣхъ тамъ одной изъ нихъ испытывался какъ тяжелое пораженіе другой.

Такимъ образомъ получалось, что изъ двухъ родственныхъ по своей политикѣ и по отношенію къ народу странъ—Австріи и Германіи—первая не могла быть использована старымъ русскимъ правительствомъ въ качествѣ друга, союзника и опоры на случай революціи. Оставалась одна Германія. Съ нею (съ Пруссіей, съ Гессеномъ и другими входящими въ ея составъ государствами) домъ Романовыхъ издавна связы-

вали родственныя отношенія; Николай II и Вильгельмъ II всегда питали другъ къ другу самую настоящую личную привязанность. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, съ точки зрѣнія истинной взаимной близости двухъ народовъ, далеко не все обстояло благополучно. Пусть первый германскій императоръ, Вильгелмъ I, умирая, завѣщалъ Германіи никогда не вступать въ борьбу съ Россіей: онъ завѣщалъ это не потому, чтобы это само собой разумѣлось, а потому, что къ этому нужно было, по его мнѣнію, стремиться, несмотря на всѣ трудности и препятствія.

И дѣйствительно, дружба съ Германіей, съ Пруссіей, не дешево давалась Россіи. Подъ вліяніемъ этой дружбы въ 1863 году окончательно опредѣлилось жестокое отношеніе нашего правительства къ полякамъ, что повлекло за собой ненависть поляковъ къ Россіи, а въ связи съ этимъ цѣлый рядъ затрудненій для нея. Въ 1866 году благодаря этой дружбѣ мы допустили разгромъ Пруссіей Австріи, вслѣдъ за которымъ черезъ четыре года послѣдовалъ разгромъ Франціи. Въ 1878 году, послѣ русско-турецкой войны, Германія рѣшительно ничего не сдѣлала, чтобы поддержать наши интересы на Ближнемъ Востокѣ (на Балканахъ), а, наоборотъ, воспользовалась случаемъ примириться за нашъ счетъ съ недавно разгромленной ею Австріей. Австрія получила рядъ весьма цѣнныхъ правъ по отношенію къ балканскимъ землямъ, а намъ въ силу этого съ Ближняго Востока пришлось убраться на Дальній, къ Порть-Артуру и Владивостоку. Когда въ 1904 году разразилась на Дальнемъ Востокѣ столь злосчастная для насъ русско-японская война, германцы поспѣшили какъ можно лучше использовать наши затрудненія и заставили насъ заключить съ ними крайне невыгодный для

насъ торговый договоръ. Немудрено, что чѣмъ дальше, тѣмъ все труднѣе и труднѣе становилось сдѣлать переходъ отъ дружбы русскаго правительства съ Германіей къ союзу между Россіей и Германіей. Подобный союзъ означалъ бы полное порабощеніе Россіи, и русскій народъ, при всемъ своемъ безразличіи къ международнымъ дѣламъ, никогда бы на него не согласился.

Въ концѣ концовъ старое русское правительство примирилось съ судьбой и, повидимому, перестало стремиться къ открытому формальному союзу съ Германіей. Возможно, что въ данномъ случаѣ проявилась нѣкоторая политическая дальновидность. А, можетъ статься, что здѣсь просто дѣйствовалъ исконный страхъ нашихъ правителей передъ революціей, и они, ни въ чемъ не уступая требованіямъ народа въ вопросахъ внутренняго управленія, сочли неизбѣжнымъ сдѣлать ему уступки въ вопросахъ политики внѣшней—въ установленіи своихъ отношеній къ другимъ государствамъ Наконецъ, весьма вѣроятно, что и сами эти другія государства оказывали на Россію опредѣленное давленіе. Имъ, вѣдь, не могло быть безразличнымъ, съ кѣмъ идетъ такая могущественная страна и противъ кого она идетъ. Вотъ почему Франція уже въ первой половинѣ прошлаго столѣтія охотно шла навстрѣчу самому тѣсному сближенію съ Россіей. Положенія дѣла не измѣнила и Крымская война 1854—55 гг., въ которой русскимъ и французамъ пришлось встрѣтиться на полѣ брани противниками. Даже въ дни наиболѣе ожесточенныхъ сраженій ни французы не питали тогда острой ненависти къ русскимъ, ни русскіе къ французамъ. Послѣ войны, во время мирныхъ переговоровъ въ Парижѣ, французскіе дипломаты неизмѣнно выступали какъ «друзья» русскихъ, какъ ихъ «услужливые

союзники» и всячески облегчали имъ ихъ трудную задачу. Зато, когда послѣ побѣды надъ Франціей въ 1871 г., Германія начала-было готовиться къ новой войнѣ съ нею, мечтая окончательно сокрушить ее Россія рѣшительно вмѣшалась и отстояла Францію. Въ 1891 г. между Франціей и Россіей былъ заключенъ союзъ, въ которомъ онѣ состоятъ и теперь, и этотъ союзъ нашелъ одинаково радостный откликъ какъ въ сердцахъ французскаго народа, такъ и народа русскаго.

Холодныя отношенія между Россіей и Англіей длились несравненно дольше, но постепенно и они смѣнились чувствами взаимнаго уваженія и дружбы обоихъ народовъ. Немаловажную роль сыграло въ этомъ отношеніи введеніе въ Россіи въ 1905 году конституціоннаго строя, при которомъ возможность произвола царей сильно уменьшилась, а народъ благодаря созданію Государственной Думы, добился права участвовать въ выработкѣ законовъ страны. Изъ безправныхъ «вѣрноподданныхъ» мы превратились тогда въ граждан, и англичане получили возможность уважать насъ.

## IV.

Стремленіе ни въ чемъ не уступать народу и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость постоянно уступать ему то въ томъ, то въ другомъ (особенно во внѣшнихъ дѣлахъ) поставили постепенно русское правительство въ крайне затруднительное положеніе: нужно дружить съ Германіей, чтобы имѣть въ случаѣ революціи ея поддержку, и нельзя дружить съ нею. Нужно сторониться Англіи и Франціи съ ихъ демократическимъ духомъ и нельзя ихъ сторониться,—наоборотъ, приходится все

тѣснѣе и тѣснѣе связывать себя съ ними. Изъ этихъ трудностей сами собой вытекали и другія: разъ дружишь съ Германіей, старайся всячески отстаивать самодержавіе; разъ дружишь съ Англіей и Франціей, давай какъ можно больше правъ народу. Выхода изъ затрудненій не предвидѣлось, и правительство наше просто рѣшило ждать и смотрѣть, что получится, стараясь одновременно не слишкомъ натягивать вожжи ни въ ту, ни въ другую сторону.

Но вотъ лѣтомъ 1914 года Германія и Австрія отважились на очень отвѣтственный шагъ: подъ предлогомъ отмщенія за убійство сербомъ наслѣдника австрійскаго престола, Франца-Фердинанда, они надумали проложить себѣ прямой путь черезъ Сербію къ Константинополю и окончательно вытѣснить насъ съ Балканъ. Моментъ былъ выбранъ удачный. Ни Россія, ни Франція не успѣли еще преобразовать свои арміи, какъ того требовали обстоятельства, Англія совсѣмъ не могла приниматься въ разсчетъ на случай войны сухопутной, сама Германія находилась въ полной боевой готовности. Прибавимъ, что сосчитаться съ Россіей значило для Германіи одновременно сосчитаться и съ Франціей и съ Англіей, такъ какъ безъ нашей помощи обѣ эти державы оказались бы безсильны въ будущемъ справиться съ нею, и были бы обречены на молчаливое примиреніе съ ея главенствомъ надъ всѣмъ міромъ.

Всѣ карты оказались раскрытыми; истинные замыслы «вѣрнаго друга», Германіи, обнаружились, и русскому правительству волей-неволей пришлось начать войну съ правительствомъ германскимъ.

Всѣмъ памятно, то великое воодушевленіе, которое охватило весь русскій народъ съ первыхъ же дней войны и которое долго не покидало его и послѣ. Чувство-

валось, что Россія вступила на путь великаго освобожденія,—освобожденія отъ германскаго ига и отъ ига царскаго самодержавія. Ничто уже не отдѣляетъ насъ больше отъ передовыхъ народовъ міра, отъ Франціи и Англіи; напротивъ—кровь, вмѣстѣ пролитая на поляхъ сраженій, еще больше сближаетъ насъ съ ними. Точно также ничто не будетъ въ сознаніи поддержать разлагающійся строй, такъ какъ послѣдняя его опора обречена на уничтоженіе.

Русскій народъ бодро и съ упованіемъ ждалъ исхода войны. Что же касается русскаго правительства, то оно нахмурившись думало тяжелую думу. Если съ помощью союзниковъ мы побѣдимъ, думало оно, то тогда намъ придется остаться однимъ во всей Европѣ со своимъ самодержавіемъ; если дадимъ себя побѣдить, то не избѣжать намъ революціи и полнаго крушенія стараго порядка. Снова безвыходное положеніе создалось для русскаго правительства, и снова по той единственной причинѣ, что оно не хотѣло считаться съ желаніями и стремленіями народа. Однако уже теперь спокойно ждать и надѣяться, что все устроится какъ-нибудь само собой, не приходилось. Предстояло дѣйствовать рѣшительно, и правительство начало дѣйствовать. Полагая, что главная опасность заключается въ томъ, что народъ можетъ возмутиться, если не будетъ побѣдъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безсильное дать странѣ побѣды, правительство наше всѣми силами своими стало давить на народъ, чтобы разъединить его, чтобы сдѣлать его неспособнымъ на прямое противодѣйствіе. Въ этихъ цѣляхъ оно стало насколько только возможно затягивать открытіе Государственной Думы, всячески сокращать время ея работъ, придираться къ земскому и городскому союзамъ, мѣшать военно-промышленнымъ

комитетамъ, сквозь пальцы смотрѣть на разстройство желѣзно-дорожнаго движенія, на спекуляцію всякаго рода, на угрожающія затрудненія съ продовольственнымъ дѣломъ. Ему казалось, что благодаря всему этому должно случиться одно изъ двухъ: или народъ настолько привыкнетъ къ покорности и повиновенію, что легко станетъ сносить любыя издѣвательства надъ собой, либо онъ примирится съ мыслью, что побѣдить и воевать дальше нельзя, и охотно успокоится на любомъ, не слишкомъ позорномъ, мирѣ. Говоря короче: разрывъ съ Германіей нисколько не измѣнилъ основного настроенія русскаго правительства и ничему не научилъ его. Попрежнему оно тайно тяготѣло къ Германіи, попрежнему плохо представляло, какъ ему жить безъ нея, попрежнему боялось своихъ союзниковъ.

Народъ русскій, разумѣется, видѣлъ все это и сознавалъ, чѣмъ это грозитъ. Онъ сознавалъ, что безъ побѣды надъ Германіей нельзя добиться побѣды надъ самодержавіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ для него не было тайной и то, что съ самодержавнымъ правительствомъ ему и никогда не побѣдить Германію. Только на революцію и могла быть вся надежда. Однако революція дѣло слишкомъ опасное, чтобы ее можно было добровольно начать во время войны. Она всегда рискъ, опасность, всегда потрясеніе государства. Не лучше-ли терпѣливо ждать до конца? И мы приготовились ждать и терпѣть, пока только хватитъ силъ. Мы ждали и сносили все долго и упорно.

Но дальше терпѣть не представлялось, наконецъ, возможнымъ: революція вспыхнула и сразу измѣнила все.

## V.

Теперь мы можемъ прямо перейти къ отвѣтамъ на тѣ вопросы, которые были поставлены нами въ началѣ очерка: какъ намъ слѣдуетъ относиться къ войнѣ и чего намъ желать и ждать отъ нея, какъ намъ относиться къ нашимъ союзникамъ?

Мы уже говорили, что ни одно государство теперь не можетъ жить особнякомъ, какъ бы могущественно оно ни было. Каждое государство тысячью нитей, культурныхъ и экономическихъ, связано со всѣми другими государствами, и нѣкоторыя изъ нихъ непремѣнно должны быть его ближайшими друзьями или союзниками. Слѣдовательно, вопросъ передъ нами не просто въ томъ, чтобы воевать, пока воюется, или немедленно кончить войну, разъ мы расхотѣли воевать, а въ томъ, чтобы воевать до тѣхъ поръ, пока это необходимо для обезпеченія себѣ того или иного положенія среди другихъ государствъ. Одно ожидаетъ насъ, если мы побѣдимъ Германію; другое—если кончимъ войну съ нею вничью; третье—если она насъ побѣдитъ. Одно дѣло—до конца итти рука объ руку съ союзниками и сообща съ ними заключить миръ, другое дѣло—самимъ на свой страхъ замириться съ врагомъ, а союзникамъ предоставить дѣлать, какъ они хотятъ.

Въ данномъ случаѣ разсуждать намъ приходится слѣдующимъ образомъ.

Если прежде, при царскомъ самодержавіи, союзъ и дружба наша съ Франціей и Англіей были для насъ необходимы въ цѣляхъ отпора Германіи и Австріи, то

теперь они намъ для этого еще болѣе необходимы. Прежде, имѣя во главѣ нашего государства друзей, родственниковъ и единомышленниковъ германскаго императора, Россія могла сговариваться съ Германіей и Австріей, такъ какъ у правителей ея были нѣкоторыя общія стремленія и одинаковое съ ними отношеніе къ своимъ народамъ. Но какъ можемъ мы сговориться съ ними т е п е р ь, когда мы сдѣлались свободными, когда мы на пути къ тому, чтобы стать демократичнѣйшей изъ республикъ, между тѣмъ какъ германцы попрежнему кричатъ «ура» самому самодержавному, честолюбивому и воинственному изъ монарховъ Европы, Вильгельму? Мы были друзьями свободныхъ французскаго и англійскаго народовъ, пока сами были въ рабствѣ. Какимъ же образомъ и для чего намъ обрывать эту дружбу, когда, наконецъ, мы освободились, т. е. сдѣлались такими же, какъ они? Съ кѣмъ же намъ и дружить, если не съ ними? Съ другой стороны, нужно принять во вниманіе и то, что вовсе не на одной только взаимной симпатіи основывается наша связь съ Англіей и Франціей, но также и на полной общности нашихъ наиболѣе реальныхъ интересовъ. Ни Англія, ни Франція не стремятся захватить то, что принадлежитъ Россіи, и не собираются становиться на пути ея къ тому, чего ей необходимо достигнуть. Въ свою очередь и Россія со спокойной душой можетъ соглашаться на все, чего требуютъ для себя ея теперешнія главныя союзницы. Съ другими государствами дѣло обстоитъ иначе. Одни изъ нихъ не настолько сильны, чтобы на нихъ можно было полагаться такъ же, какъ на Англію съ Франціей; другія преслѣдуютъ въ своей политикѣ такія задачи, которыя могутъ быть удовлетворены только за счетъ Россіи. Если мы не захотимъ итти рука объ руку съ Англіей и Франціей, то намъ

ничего не останется, какъ броситься въ объятія той же Германіи. Но мы уже знаемъ, что такое эта Германія и чего она хотѣла и хочетъ отъ Россіи.

Словомъ, мы всѣми силами должны стараться не только сохранить нашу связь съ Англіей и Франціей, но и усилить эту связь.

Это первое. Далѣе приходится имѣть въ виду, что мы связаны съ нашими союзницами не только узами дружбы и общностью интересовъ, но и договорами, т. е. обязательствами, которыя мы должны выполнять во что бы то ни стало. То обстоятельство, что договоры эти были заключены старымъ нашимъ правительствомъ, ничуть не мѣняетъ положенія вещей. Въ международномъ правѣ существуетъ твердо установившееся положеніе, что смѣна правительства не вліяетъ на дѣйствительность договоровъ, заключенныхъ государствомъ. Договоры, законнымъ образомъ заключенные съ другими странами Николаемъ II и раньше, такъ же должны быть обязательны для нашего новаго республиканскаго правительства, какъ если бы они были заключены самимъ имъ. Почему это такъ, совершенно ясно: международные договоры представляютъ собой договоры между самими государствами, а не между ихъ правителями. Иначе ни одинъ договоръ никого и ни къ чему не обязывалъ бы: стоило бы только смѣнить правителей и, вотъ, до-договора, на который союзникъ такъ разсчитывалъ, ради котораго такъ долго воевалъ или на который затратилъ такъ много силъ и денегъ,—какъ не бывало. Скажутъ: международное право настолько часто всѣми нарушается, что съ нимъ можно и не считаться. Это неправда. Нарушаются по преимуществу лишь договоры, касающіеся веденія войны—законы войны,—но зато именно они то и являются наиболѣе трудно исполнимыми

изъ всѣхъ международныхъ законовъ. Что же касается договоровъ, устанавливаемыхъ между народами въ цѣляхъ взаимной дружбы и сотрудничества, то они блюдутся строго, и каждый случай нарушенія ихъ вызываетъ цѣлую бурю во всемъ свѣтѣ. Какую же бурю негодованія вызвали бы мы, если бъ вдругъ измѣнили нашимъ наиболѣе испытаннымъ и вѣрнымъ друзьямъ?

Намъ сразу перестали бы вѣрить, отъ насъ отшатнулись бы, какъ отъ преступниковъ, и въ будущемъ не было бы такого страшнаго предательства, которое не могло бы считаться по отношенію къ намъ простительнымъ: вѣдь, мы сами оказались предателями! Отсюда слѣдуетъ что измѣнить дѣлу нашихъ союзниковъ для насъ равносильно тому, чтобы надолго остаться однимъ въ международномъ сопернчествѣ, быть объявленными «внѣ закона» и, разумѣется, поплатиться за это самымъ жестокимъ образомъ. И если прежде «сепаратный», отдѣльный отъ союзниковъ, миръ съ нашимъ врагомъ по справедливости казался намъ чудовищнымъ преступленіемъ, то насколько болѣе чудовищнымъ долженъ онъ казаться намъ теперь: вѣдь, теперь уже нѣтъ того ненавистнаго всѣмъ правительства, на которое можно было бы все свалить; теперь уже мы сами цѣликомъ оказались бы отвѣтственными за позорное преступленіе, и никого, кромѣ самихъ себя, мы не могли бы винить.

Это второе. Въ третьихъ, приходится считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что союзники наши попрежнему сильны и даже съ каждымъ днемъ становятся все сильнѣе между тѣмъ какъ наша военная мощь за время революціи ослабла. Благодаря отсутствія твердой власти и прочаго порядка мы временно не могли обслуживать нашъ фронтъ снарядами и снаряженіемъ

такъ, какъ это было надо. Въ работахъ нашихъ фабрикъ произошелъ длительный перерывъ, и перерывы нѣтъ-нѣтъ, да повторяются снова. Солдаты, захваченные общимъ подъемомъ, потеряли не мало времени на митингахъ и собраніяхъ (что, разумѣется, вполнѣ понятно и вполнѣ законно) и на время ослабили свои учебныя занятія. Не могла произойти безболѣзненно замѣна старой строевой дисциплины дисциплиной новою. Въ результатѣ всего этого получилось, что мы стали значительно больше нуждаться въ нашихъ союзникахъ, чѣмъ они въ насъ. Теперь приходится считать совершенно несомнѣннымъ, что они и безъ нашей особенной помощи способны дать отпоръ нѣмцамъ, лишь бы мы имъ не мѣшали и не дѣйствовали на руку врагу. Слѣдовательно, можетъ случиться такъ, что союзники наши выиграютъ войну и возьмутъ отъ нея все, что имъ было нужно, а намъ придется жестоко расплачиваться за наши ошибки. Разумѣется, это можетъ случиться лишь тогда, когда мы захотимъ дѣйствовать независимо отъ нашихъ союзниковъ.

Въ свое время Англія, Франція и Россія, съ ними Бельгія, Сербія, Черногорія, Японія, Португалія, Румынія, а въ послѣдніе дни еще и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты выступили на войну противъ Германіи. Это потому, что Германія съ ея захватными стремленіями и быстро увеличивающеюся военной мощью, съ ея дерзостью и хитростью, сдѣлалась страшной угрозой для всеобщаго мира. Русская революція въ этомъ отношеніи рѣшительно ничего не измѣнила. Надежды нѣкоторыхъ мечтателей, что благодаря германскимъ рабочимъ Германія сразу переродится, какъ и Россія, и станетъ такимъ же свободолюбивымъ государствомъ, какъ и она, и Англія, и Франція, рѣши-

тельно ни на чемъ не основаны. Возможно, конечно, что лишь только германцы почуютъ, что ихъ дѣло окончательно проиграно, они тоже заговорятъ о «свободѣ» и постараются закончить войну безъ большихъ убытковъ для себя и съ громадными убытками для насъ и нашихъ союзниковъ. Во имя «свободы» они потребуютъ, чтобы ихъ страна осталась такою же, какой она была и прежде, и тогда имъ впору хоть снова начинать войну: вѣдь для Германіи нѣтъ выбора, нѣтъ средняго пути, и успокоиться она можетъ только въ томъ случаѣ, если побѣдитъ или будетъ побѣждена. До сихъ поръ она со всей настойчивостью стремилась къ побѣдѣ и всячески старалась и старается использовать въ своихъ выгодахъ русскую революцію: пользуясь разслабленностью нашего фронта она перебросила главныя силы на западный фронтъ, англо-французскій, наводнила всю Россію шпіонами, забрасываетъ нашихъ солдатъ, сидящихъ въ окопахъ, льстивыми листками, вселяющими въ нихъ [redacted] и сомнѣнія. И все это при открытой поддержкѣ тѣхъ самыхъ германскихъ рабочихъ, на которыхъ наши горе-мыслители и горе-политики такъ разсчитывали и продолжаютъ разсчитывать въ совершенно непріятномъ ослѣпленіи!

## VI.

За три мѣсяца до начала Великой русской революціи десять державъ, борющихся съ Германіей и ея союзницами, объявили слѣдующія главнѣйшія условія, на которыхъ онѣ согласились бы заключить миръ: 1) возстановленіе Бельгіи, Сербіи и Черногоріи и справедливое возмѣщеніе понесеннаго этими странами ущерба;

2) очищеніе нѣмцами занятыхъ ими мѣстностей Франціи, Россіи и Румыніи, также со справедливымъ вознагражденіемъ пострадавшихъ странъ; 3) переустройство Европы на основѣ одинаковаго уваженія къ свободѣ и интересамъ всѣхъ ея народовъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ; 4) возвращеніе провинцій или земель, отнятыхъ у союзниковъ въ прежнее время вопреки желанію населенія; 5) освобожденіе итальянцевъ, румынъ, чеховъ и словаковъ отъ иностраннаго владычества; 6) освобожденіе народностей, находившихся подъ владычествомъ турокъ, и ограниченіе турецкихъ владѣній лишь азіатскими предѣлами; 7) самостоятельность Польши.—«Союзники желаютъ,—такъ оканчивалось заявленіе перечисленныхъ выше странъ,—избавить Европу отъ грубыхъ вожделѣній прусскаго милитаризма, но въ ихъ цѣли никогда не входило уничтоженіе германскаго народа... Они желаютъ прежде всего обезпечить миръ на началахъ свободы, справедливости и нерушимой вѣрности международнымъ обязательствамъ... Объединенные въ преслѣдованіи этой возвышенной цѣли, союзники одушевлены рѣшимостью сдѣлать все, что въ ихъ власти, и принести всѣ жертвы, дабы довести до побѣднаго конца борьбу, отъ которой, по ихъ убѣжденію, зависятъ не только благодѣнствіе и спасеніе, но и будущность самой цивилизаціи».

Въ свое время настоящее заявленіе было встрѣчено съ полнымъ удовлетвореніемъ во всѣхъ десяти странахъ противогерманскаго союза. Вполнѣ понятно, почему: въ немъ, во-первыхъ, большинству изъ странъ предлагалось какъ разъ то, къ чему каждая издавна стремилась и что ей казалось существенно необходимымъ въ ея личныхъ интересахъ, а во-вторыхъ, во имя всеобщихъ интересовъ человѣчества давалось обѣща-

ніе водворить прочный миръ и подлинную справедливость среди всѣхъ народовъ. Но хоть это и недавно было,—однако все же раньше Великой русской революціи. Тогда у народовъ, и у русскаго въ частности, представленія о справедливости и вѣра въ торжество ея на землѣ были не тѣми, что теперь. Тогда народы мирились еще на сравнительно немногомъ. Имъ казалось, что впереди всего должно быть поставлено государство, — что справедливо лишь то, что усиливаетъ государство, обезпечивая ему прочное положеніе среди сосѣдей и что, наоборотъ, несправедливо все, ослабляющее его. Мысль о самихъ народахъ какъ-то невольно отходила нѣсколько на второй планъ, несмотря на то, что о «правахъ народовъ», о началѣ «національностей» говорилось весьма часто и весьма охотно. Во всякомъ случаѣ, народы не мыслились независимо отъ объединяющей ихъ государственной власти и внѣ подчиненія ей, тогда какъ сама эта власть представлялась такою, которая преслѣдуетъ не только народныя, но и свои особенныя, чисто государственныя, цѣли. Вотъ какимъ образомъ и могло получиться, что десять державъ, соединившихся противъ начавшихъ войну, Германіи и Австро-Венгріи, и ихъ союзницъ, Болгаріи и Турціи, постановили: удовлетворимъ за ихъ счетъ всѣ свои нужды и ослабимъ ихъ настолько, чтобы онѣ не могли сопротивляться; благодаря этому поводы къ новымъ войнамъ и возможность новыхъ войнъ надолго исчезнутъ, а тѣмъ временемъ укрѣпится такой международный порядокъ, благодаря которому миръ и «справедливость» воцарятся на землѣ навѣки.

Но вотъ вспыхнула Великая русская революція. Русскій народъ въ мгновеніе ока сбросилъ съ себя иго

нительный воздухъ свободы. Удивительно-ли, что нѣкоторыя изъ прежде сложившихся мнѣній и убѣжденій перестали удовлетворять его, что многое онъ счелъ нужнымъ перерѣшить по новому, что все, рѣшительно все, онъ сталъ разсматривать съ одной единственной точки зрѣнія: способствуетъ-ли оно или препятствуетъ дѣлу свободы? Сообразно съ этимъ всякія половинчатыя и временныя рѣшенія перестали удовлетворять его, онъ захотѣлъ на всѣ вопросы отвѣтить прямо и опредѣленно, разъ навсегда. Онъ началъ разсуждать такъ: то, что произошло въ Россіи, не можетъ остаться безъ отклика и во всѣхъ остальныхъ странахъ. Народы должны понять, что произошло нѣчто грандіозное, важное, съ чѣмъ нельзя не считаться, къ чему такъ или иначе придется примѣняться. Въ частности, если прежде всѣ международныя отношенія строились въ предположеніи, что всякому дѣлу свободы, мира и правды среди государствъ непремѣнно будетъ препятствовать самодержавная Россія (при усиленной поддержкѣ [redacted] ніи), то теперь это предположеніе отпало само [redacted] Демократіи міра должны почувствовать себя сильнѣе, чѣмъ были раньше, вліяніе въ нихъ соціалистическихъ партій сразу возрастетъ и станетъ господствующимъ; то, что незадолго передъ тѣмъ казалось имъ осуществимымъ лишь въ отдаленномъ будущемъ, станетъ близкимъ и вполнѣ доступнымъ скоро, теперь же, сегодня-же.

Въ результатѣ всего этого, на ряду съ лозунгомъ «доведенія войны до побѣднаго конца», началъ все настойчивѣе и настойчивѣе выдвигаться лозунгъ водворенія немедленнаго мира и установленія полнаго братства между всѣми народами, не исключая и теперешнихъ нашихъ враговъ.

Какъ же, однако, примирить эти двѣ совершенно непримиримыя, повидимому, и несогласимыя задачи. Вѣдь, во имя полнаго осуществленія первой изъ нихъ необходимо добиться возвращенія въ составъ Франціи отнятыхъ у нея Эльзаса и Лотарингіи, предоставленія Россіи Босфора и Дарданеллъ, безъ которыхъ для нея нѣтъ необходимаго для нея выхода въ Средиземное море и свободы экономическаго развитія, и т. д. Напротивъ, наиболѣе полное осуществленіе второй задачи заключалось бы въ немедленномъ прекращеніи войны, безъ всякаго измѣненія въ составѣ земель воюющихъ государствъ по сравненію съ прежнимъ, безъ всякаго переложенія издержекъ на войну съ одного изъ воюющихъ на другого, безъ вознагражденія пострадавшихъ странъ и т. п.,—словомъ: миръ безъ аннексій и контрибуцій, а то даже—немедленное разоруженіе всѣхъ государствъ, во имя идеала вѣчнаго международнаго мира.

Примиреніе должно быть найдено, и жизнь найдет[illegible]. Вѣдь, это не первый случай, когда исторіи приходится сталкиваться съ необходимостью примирять непримиримое. По самому существу своему она—примиреніе, и всѣ прочныя достиженія ея неизбѣжно—равнодѣйствующая въ столкновеніи различныхъ силъ, въ борьбѣ исключающихъ другъ друга стремленій. Однако, несомнѣнно и то, что раньше, чѣмъ на вопросъ объ окончаніи войны будетъ найденъ послѣдній отвѣтъ, подводящій итоги всему международному прошлому и открывающій пути къ болѣе или менѣе безмятежному международному будущему, придется считаться съ цѣлымъ рядомъ предварительныхъ, непріемлемыхъ для исторіи, отвѣтовъ. Были и будутъ отвѣты, [illegible] къ прошлое и

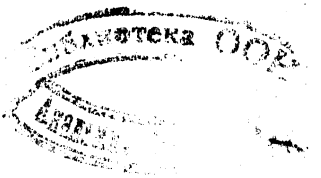
ничего не обѣщающіе для грядущихъ временъ, кромѣ печальнаго повторенія печальныхъ уроковъ этого прошлаго. Были и будутъ отвѣты, слишкомъ прямолинейные, слишкомъ забѣгающіе впередъ, неподготовленные предшествующимъ ходомъ развитія человѣчества. Достаточно яркимъ примѣромъ отвѣтовъ перваго рода можетъ послужить та программа мира, которая составляетъ движущій нервъ всей политики Германіи: торжество одного государства за счетъ всѣхъ остальныхъ, поддержаніе будущей «дружбы» среди народовъ съ помощью вооруженной силы, всепокоряющей и не знающей себѣ равныхъ. Какъ на примѣръ отвѣтовъ второго рода укажемъ на памятные призывы къ миру президента Соединенныхъ Штатовъ Америки, Вильсона (въ декабрѣ 1916 года, январѣ 1917 года), въ которыхъ такъ много было вѣры въ возможность немедленнаго устраненія всѣхъ поводовъ къ международнымъ столкновеніямъ, до осуществимости немедленнаго разоруженія государствъ включительно. Торжества германской программы не допустятъ ея рѣшительные противники, противъ торжества программы Соединенныхъ Штатовъ говоритъ ихъ собственное вмѣшательство въ войну.

Есть много основаній полагать, что и тотъ отвѣтъ, который дало въ своей декларации отъ 5 мая русское Временное Правительство—не будетъ принятъ жизнью безъ значительныхъ поправокъ. Согласно декларации, миръ долженъ быть заключенъ «безъ аннексій и контрибуцій, на началахъ самоопредѣленія народовъ и въ стремленіи къ прочному миру и братству народовъ». Нельзя, конечно, не восхищаться красотой и возвышенностью этихъ задачъ, которыя поставила предъ собой такимъ образомъ новая, свободная Россія, нельзя не

приветствовать ея желанія итти совершенно новыми путями и сказать міру свое собственное, новое слово. Но если бы все дѣло было въ одной Россіи! Если бы у нея было достаточно силы, чтобы заставить услышать себя и подчиниться себѣ. Если бы начертанные ею пути замиренія народовъ были дѣйствительно новыми. Но, увы, международные вопросы,—въ особенности, такіе сложные, какъ о мирѣ послѣ чудовищной, всѣхъ захватившей войны,—не могутъ разрѣшаться однимъ государствомъ. Что же касается всѣхъ другихъ государствъ, кромѣ Россіи, то они вовсе не склонны столь же безсознательно отдаться прекрасной мечтѣ, какъ отдались ей мы—охваченные революціоннымъ восторгомъ и готовые принимать этотъ восторгъ одновременно и за выраженіе силы, и за голосъ правды, которая идетъ въ міръ. Тѣми же словами, что мы теперь, говорила уже раньше Франція—во время Великой революціи 1791 года и во время революціи 1848 года. Мы не должны забывать поучительныхъ примѣровъ исторіи. Противъ аннексій и контрибуцій и за самоопредѣленіе народовъ писалось и пишется давно уже и много. И всегда обнаруживалось одно и тоже: мысль прекрасна, идеалъ возвышенъ, но для проведенія ихъ въ жизнь требуется длинная-длинная, трудная и черная предварительная работа по примиренію сложныхъ и многообразныхъ взаимно исключающихъ интересовъ.

Изъ всего сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, конечно, чтобы революціонная Россія не въ правѣ была давать новые отвѣты на международные вопросы. Но она должна быть готовой къ тому, что жизнь внесетъ въ нихъ свои собственныя и, быть можетъ, весьма существенныя поправки. Каковы эти поправки и насколько удаляются

Правительства, кто можетъ знать? Одно несомнѣнно: лучшими и наиболѣе пріемлемыми для Россіи изъ всѣхъ возможныхъ окажутся тѣ, которыя будутъ допущены въ согласіи съ желаніями и интересами союзныхъ съ Россіей державъ, прежде всего—Англіи и Франціи.



Библиотека ООР

Е.1.1. 16 П 52

# НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА

## Серія беллетристическая.

№ 1. **А. Крандіевская.** Охранитель Ц. 20 к.
№ 2. **А. Крандіевская.** Только часъ. Ц. 20 к.
№ 3. **А. Шиманскій.** Сруль изъ Любартова. Ц. 10 к.
№ 4. **М. Конопницкая.** Яктонъ. Ц. 10 к.
№ 5. **Л. Толстой.** Божеское и человѣческое.

## Серія политическая.

№ 51. **В. Алексѣевъ.** Зачѣмъ и какъ выбирать въ Учредительное Собраніе? Ц. 20 к.
№ 52. **В. Алексѣевъ.** Свободный гражданинъ и его права.
№ 53. Прив.-доц. **Ю. Ключниковъ.** Революція и война.
№ 54. Прив.-доц. **Н. Арсеньевъ.** Революція и вѣра.
№ 55. Прив.-доц. **Н. Фіолетовъ.** Церковь въ новой Россіи.
№ 56. Прив.-доц. **Л. Успенскій.** Соціальныя задачи государства
№ 57. Прив.-доц. **С. Кечекьянъ.** Какая намъ нужна республика?

## Серія историческая.

№ 101. **Е. Ефимова.** Великая французская революція. Ц. 50 к.
№ 102. **В. Перцевъ.** Франція въ XIX вѣкѣ. Ц. 50 к.
№ 103. **В. Перцевъ.** Германія и Австрія въ XIX вѣкѣ. Ц. [redacted]
№ 104. **В. Перцевъ.** Англія въ XIX вѣкѣ.
№ 105. **В. Перцевъ.** Италія въ XIX вѣкѣ.
№ 106. **Е. Вишняковъ.** Декабристы.
№ 107. **В. Пичета.** Первые русскіе соціалисты.

## Серія экономическая.

№ 151. **І. Войтинскій.** Примирительныя камеры на Западѣ. Ц. 15 к.
№ 152. **І. Войтинскій.** Примирительныя камеры въ Россіи.

---

# ЛИГА АГРАРНЫХЪ РЕФОРМЪ

Редакціонный комитетъ: П. П. Масловъ, С. Л. Масловъ, Н. П. Огановскій, А. В. Чаяновъ.

**Статистическій справочникъ по аграрному вопросу.**
пускъ 1-й: Землевладѣніе и землепользованіе.
**А. В. Чаяновъ.** Къ постановкѣ аграрнаго вопроса.
**Н. П. Макаровъ.** Крестьянское хозяйство и его интересы.

---

Заказы направлять по адресу: **Москва**, 4-й Сыромятническій п., 1
Акц-ое О-во «**Универсальная Библіотека**» тел. 1-24-24.